

Модернизационная адекватность социально-трудовой сферы российской экономики

В статье рассмотрено состояние социально-трудовой сферы, с точки зрения ее соответствия заявленному курсу на инновационную модернизацию российской экономики. В центре внимания — положение человека труда. Делается вывод о модернизационной неадекватности сферы труда в современной России.

Ключевые слова: модернизация, трудовые ресурсы, удовлетворенность трудом, классы, рабочая бедность, ценности, миграция.

Л. Н. Даниленко,
к. э. н., доцент кафедры экономической теории,
Псковский государственный университет
e-mail: daniluda@rambler.ru

Одним из главных мотивов трансформационной политики в постсоветской России было усиление ее политического влияния на Западе и включение в мировую экономическую систему на правах значимого участника мирового хозяйства. В последние годы надежды на реализацию этих планов связывают с инновационной модернизацией страны. Вместе с тем настораживает то, как трактуется содержание модернизации первыми лицами государства и обслуживающими их идеологами: насущные потребности страны осмысливаются почти исключительно с инструментальных позиций. «Модернизация понимается как формирование автономного и передового сегмента научно-индустриального производства, который мог бы стать основой экономического роста» [1].

В ходе анализа многочисленных источников, в которых затрагиваются проблемы модернизации и инновационной трансформации российской экономики, можно обратить внимание на то обстоятельство, что лишь в незначительной степени в дискуссиях о путях и перспективах модернизации затрагиваются проблемы состояния социально-трудовой сферы и социально-трудовых отношений в современной России. Но ведь именно эти проблемы являются основополагающими. Исходная основа модернизации — люди труда, и если ее итогом не предполагается кардинальное улучшение качества их жизни в целом, и качества трудовой жизни в частности, то едва ли «трудовая Россия» окажет поддержку заявленным преобразованиям.

Кроме того, с усилением глобализации и инновационности мировой экономики, положение страны в системе международного разделения труда определяется, в первую очередь, качеством ее трудового потенциала. Те страны, которые не обладают высококвалифициро-

ванными трудовыми ресурсами, вынужденно остаются на периферии глобального хозяйства.

Среди исследователей распространено мнение, что «в инновационной экономике... человек не должен, не может работать только ради денег, «жить зарплатой», он должен «жить работой», т. е. находить в ней удовлетворение, если не удовольствие» [2].

Автор, однако, разделяет ту точку зрения, что «труд сам по себе есть средство, а не цель... Люди работают только в том случае, если ценят отдачу от труда выше, чем уменьшение удовлетворения, вызванного сокращением досуга» [3]. *Удовлетворенность трудом* выступает как субъективная интегральная характеристика трудовой деятельности человека, на которую влияет соотношение издержек, связанных с трудовой деятельностью, и выгод, получаемых от нее. Разумеется, в данной оценке автор не касается творческой деятельности вообще и творений гениев в частности, для которых жить и творить — синонимы, а мотив лежит в самом творческом процессе, который и есть источник непосредственного удовлетворения. Для «негениев», а таковые преобладают в нашем мире, основная составляющая мотивации — заработная плата. Хотя, конечно, *не хлебом единым жив человек*, и постиндустриальная экономика предполагает наращивание творческого потенциала человека.

Судя по результатам межстранового сопоставления, в современной России отмечается самый низкий уровень удовлетворенности трудом, среди 20 европейских стран (наиболее удовлетворены своей работой жители Скандинавии и Швейцарии). Причем в нашей стране существенна доля тех, кто крайне неудовлетворен своей трудовой деятельностью (8,5% против, например, 1,8% крайне неудовлетворенных в Финляндии) [2].

Какие факторы влияют на степень удовлетворенности трудом?

Эксперты давно обратили внимание на важность *странового контекста* поведения человека в хозяйственной сфере: уровня экономического развития страны и отраслевой структуры экономики, особенностей и моделей национального рынка труда и уровня безработицы, демографических факторов и т. п. Исследования Г. Монусовой подтвердили статистическую зависимость между уровнем удовлетворенности трудом и следующими показателями: ВВП на душу населения (коэффициент корреляции 0,69); доля работников, занятых в третичном секторе экономики (коэффициент корреляции 0,57); уровень безработицы (коэффициент корреляции – 0,31); религиозный фактор (в странах, исповедующих протестантскую этику, оценки удовлетворенности трудом выше – коэффициент корреляции 0,47); наличие у работников послешкольного образования (коэффициент корреляции 0,54) [2].

Любопытно, что для России проявляются все выявленные зависимости, кроме последней: коэффициент корреляции между удовлетворенностью россиянином своим трудом и наличием у него послешкольного образования составляет 0,09, т. е. корреляция отсутствует. В этой связи, Г. Монусова отмечает, что «Россия с одним из самых высоких уровней образования... и самой низкой удовлетворенностью трудом явно выделяется среди остальных европейских стран, выпадает из их общего ряда». Объяснение феномену исследователь дает следующее. Поскольку у образованных людей требования к работе выше, нежели у необразованных, то рост образования повышает претензии работников на получение достойных рабочих мест, и если претензии не удовлетворяются, то удовлетворенность трудом снижается. В России «постоянный рост образования опережает создание соответствующих рабочих мест, и данное явление становится заметным» [2].

По мнению автора, «постоянный рост образования» – иллюзия, мираж, поскольку претензии многих российских работников, действительно имеющих дипломы о высшем образовании, никак не подкрепляются реальным уровнем их профессиональной подготовки. Очевидно, что в результате *формального* получения диплома (а за последние 20 лет получение высшего образования в нашей стране вылилось в формальную процедуру) реального приращения человеческого капитала не происходит (как говорится, к диплому мозги не прикладываются).

Схожую оценку мы находим и у профессора А. Кочетова, который пишет, что в России существует феномен «ложной сверхобразованности», что «показатели выпуска специалистов вузами и численность специалистов с высшим образованием, занятых в экономике, создают лишь «иллюзию» высокого образовательного потенциала страны» [4].

Автор полностью согласен с выводом, что именно высокий удельный вес плохих рабочих мест определяет высокую долю недовольных своей работой, но считает, что понятие *плохое рабочее место* не сводится только к тем фактам, что оно сопряжено с тяжелым трудом, вредно для здоровья и т. п. Это, так сказать, микрохарактеристики плохого рабочего места. Но есть еще и

социальные характеристики, и макрохарактеристики, которые заслуживают пристального внимания.

Для анализа структуры экономически активного населения России (численность которого на начало 2010 г. составляла 74,5 млн человек или более 52% от общей численности населения страны) исследователи нередко применяют классовую модель. В рамках ресурсно-функционального подхода, под *классами* понимают группы людей, занимающих более или менее однородные структурные позиции, определяемые спецификой находящихся в их распоряжении активов (властный ресурс, квалификационный ресурс, капиталный ресурс и т. д.). Именно разница находящихся в собственности (или распоряжении) активов и предопределяет специфику рыночных возможностей субъектов [5].

В соответствии с видами этих активов, обычно выделяют три класса: *высший класс капиталистов* – собственников традиционных ресурсов (земли, физического, финансового капитала); традиционный *средний класс* собственников инкорпорированных видов капитала (человеческого, культурного, социального); традиционный *рабочий класс*, располагающий обычной способностью к физическому труду и обладающий средним для данного общества уровнем человеческого капитала. Иногда эксперты выделяют в качестве самостоятельного элемента *низший класс*, представители которого имеют минимальную ресурсообеспеченность и нужны обществу либо как эпизодические работники («резервная армия труда», в терминологии К. Маркса), либо не нужны вовсе, являются «отбросами» («wasted people», в терминологии З. Баумана).

Исследователи отмечают, что в российском обществе процесс формирования классовой структуры не завершен. В частности, в России имеет место несогласованность статусов: характер активов, профессиональные позиции и уровень доходов работников не соотносятся между собой так, как это присуще развитым странам. Примечателен, однако, тот факт, что в России уже возник низший класс и, более того, формирование его активно продолжается. Ядро низшего класса уже насчитывает около 7% экономически активного населения и в ближайшие годы прогнозируется рост его численности, в том числе и в связи с особенностями пространственной локализацией его представителей.

По оценкам Н. Тихоновой, сегодня 23% экономически активного населения России определяется как *зона формирования* низшего класса. При этом 80% тех, кто является представителями или потенциальными кандидатами в этот класс, проживают в средних и малых городах и селах. А поскольку 59% представителей формирующегося низшего класса – женщины, из которых две трети имеют детей и растят их в отсутствие полноценной семьи, то можно констатировать факт начала самовоспроизводства в России низшего класса с характерной для него «культурой бедности» и специфическими бытовыми и социальными поведенческими практиками (пьянство, люмпенизованность, социальное иждивенчество, экономическая пассивность, бытовая агрессивность и конфликтность, детская беспризорность и т. п.). Реальной является угроза геттоизации значительной части так называе-

мой «малой России» с распространением в ней типа культуры, характерной для *underclass* [6].

Таким образом, деградация профессионально-квалификационного облика заметной доли экономически активного населения в России уже превратилась в угрозу для конкурентоспособности страны. Алкоголизация и наркотизация значительной части российских трудовых ресурсов имеют своим результатом нарастание ранней смертности, травматизма на производстве и в быту, неспособность к систематическому и умственному труду. В результате не формируется трудовая этика, адекватная инновационному процессу и являющаяся важным компонентом наукоемкого производства, требующего компетентного и креативного работника.

В XXI веке для России по-прежнему серьезной остается проблема *общей* бедности.

Как известно, есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Для определения масштабов национальной бедности страны используют два подхода: оценивают или абсолютную черту бедности (законодательно установленную границу доходов, рассчитанную по определенной методике), или относительную, как определенную пропорцию по отношению к среднему доходу занятого населения. В развивающихся странах, в том числе и в России, популярен первый подход. Он позволяет приукрашивать неприглядную реальность: даже незначительный рост доходов населения может значительно «снизить» официальный уровень бедности в стране. Но если использовать методику, применяемую в Европейском социальном исследовании, в котором наряду с почти 30 странами участвует и Россия, то в 2008 г. только 38% россиян хватало дохода для жизни. Хуже было положение только в Украине (22%) и Болгарии (30%), в то время как в Скандинавских странах достаточный доход имели более 90% населения [7].

Причем речь идет о парадоксальном для государства, претендующего на державный статус в современном мире, явлении — *рабочей бедности*. В развитых странах проблема низкой заработной платы не является специальным направлением социальной политики государства, поскольку сам факт наличия рабочих мест расценивается как гарантия защиты трудящихся от бедности. Россия же — «страна, в которой наличие работы не только не гарантирует защиту от бедности, но и, напротив, способно ее породить» [8]. Российская бедность — это бедность занятых, что сближает ее с бедностью развивающегося мира.

Так, по данным Росстата, в 2008 г. из 18,5 млн россиян, чьи доходы были ниже прожиточного минимума (методика оценки величины которого — предмет достойный специального рассмотрения) почти 60% были занятыми и имели оплачиваемую работу. А поскольку в России доля заработной платы в денежных доходах домашних хозяйств составляет около 70%, то именно размер заработной платы определяет уровень жизни основной массы населения, и именно низкий уровень оплаты труда является причиной рабочей бедности в настоящее время и пенсионной бедности в будущем.

«Новые, оснащенные передовой техникой предприятия испытывают острый недостаток рабочих

высокой квалификации», пишут исследователи. С другой стороны, «на предприятиях рабочие места с достойным заработком сегодня в дефиците», отмечают те же авторы [9]. Таким образом, налицо — двойной дефицит, некий замкнутый круг, в плену которого находятся значительные сегменты рынка труда в современной России, что подтверждают данные многих исследований.

Например, С. Климова, анализируя социальные проблемы конкретных предприятий с учетом регионального контекста, задается вопросом, какова ситуация на рынке труда, с точки зрения возможности для предприятия найти работников нужной квалификации, а для работников — работу, позволяющую реализовать свои способности и удовлетворять материальные нужды? Вывод, к которому приходит исследователь неутешительный: найти работу, позволяющую выйти за границы бедности, крайне трудно даже высококвалифицированному работнику с высшим образованием [10].

Логичен интерес к возможным объяснениям подобного парадокса на рынке труда (когда квалифицированных работников повсеместно не хватает, но цена их труда низкая на абсолютном большинстве промышленных предприятиях). Исследователи выдвигают ряд версий.

Первая версия связана с реакцией директора одного из предприятий на вопрос, почему такие маленькие заработки у квалифицированных рабочих? «Они больше не просят», последовал ответ (в ходе исследования подобные мнения высказывались неоднократно, отмечает С. Климова). Получается, что российские работники не являются дееспособными субъектами на рынке труда, притом, что уровень профсоюзной активности в стране крайне низок.

Этот вывод подкрепляется и исследованиями А. Темницкого, который отмечает, что «говорить о сформированности рабочих как самостоятельного коллективного субъекта в трудовых отношениях с работодателем... на сегодняшний день не приходится. Скорее, мы видим обратное — психологическую подавленность рабочих, смирение и терпение» [11].

Авторы *второй* и самой распространенной версии указывают на фактическую незаинтересованность собственников предприятий в развитии сложного технологического производства. Отсутствие заинтересованности они связывали с особенностями российской приватизации, в результате которой российский бизнес оказался ориентированным на коммерческую выгоду, на короткие стратегии, предполагающие спекуляции, а не развитие производства, на игнорирование общественной полезности.

Исследователи используют понятие «патриотичный бизнес», под которым понимают бизнес, осознающий необходимость своей социальной ответственности, необходимость подчинения частных интересов максимизации прибыли задачам вывода российской экономики на благоприятные позиции в международном разделении труда. Примеры такого бизнеса можно найти в Японии, Южной Корее во второй половине XX века, т. е. в период модернизации социально-экономических систем этих стран. В

России же следы патриотичного бизнеса отсутствуют. Мировоззрение руководства российских корпораций проникнуто интернационализмом куда больше, чем патриотизмом, иронично замечает профессор А. Богутаров [12].

В целом, проблему недооцененности квалифицированного труда в российской экономике эксперты оценили как системную, неразрешимую на уровне отдельного предприятия или даже региона. Заметим (в скобках), что в России ликвидировано Министерство труда, которое могло бы оказать корректирующее воздействие на ситуацию, и, следовательно, системно решать вышеназванную проблему в стране просто некому.

Одной из причин рабочей бедности в России является широкое распространение неформальной занятости. В 2009 г., по оценкам Росстата, 18% всех занятых в российской экономике относились к неформальному сектору, притом, что на протяжении 2000-х гг. вместе с ростом ВВП увеличивалась и численность таких занятых. Большая часть лиц, занятых в неформальном секторе по найму, находятся в возрасте до 40 лет и имеют невысокий уровень образования. Неформальный сектор российской экономики крайне неоднороден. Его основу составляют такие виды деятельности, как торговля, строительство, бытовые и личные услуги, электронная самозанятость.

Под неформальным сектором исследователи понимают «совокупность единиц, занятых производством товаров и услуг с основной целью обеспечить работу и доход тех, кто связан с этими единицами. Эти единицы характеризуются низким уровнем организации, низкой капиталоемкостью и небольшими размерами. Трудовые отношения... базируются преимущественно на привлечении случайных работников, а не на договорных началах, дающих формальные гарантии» [13].

Неявно предполагается, что отсутствие формальных гарантий делает рабочие места в неформальном секторе экономики «плохими», относительно «хороших» рабочих мест в формальном секторе, где трудовые отношения регулируются формальными институтами (Трудовым кодексом, коллективными договорами и т. п.) и носят защищенный характер. Но в том-то и дело, что во многом причиной «избегания» формальной занятости в России как раз и является отсутствие доверия к формальным институтам.

Например, если человек сталкивается с невозможностью получить реальный доступ к бесплатным услугам здравоохранения или оценивает их качество как крайне низкое, то он не видит смысла в официальных отчислениях части своего дохода в ФОМС. Если в бюджете Пенсионного фонда России каждый год не хватает средств на текущие выплаты пенсий (руководство фонда объясняет это снижением взносов с зарплат), в то время как Счетная палата регулярно выявляет нарушения в финансировании строительства роскошных зданий фонда и нецелевое использование средств фонда, то человек не видит смысла в пенсионных отчислениях. К тому же в условиях глобальной финансовой нестабильности вообще нет уверенности в надежности будущих финансовых поступлений из любого источника.

Таким образом, уровень доходов работающей части российского населения в разы ниже, чем в развитых странах. Обычно это объясняют относительно низкой производительностью труда россиян. Но, обращает внимание академик Н. Петраков, едва ли «машинист парижского метрополитена в 2–3 раза быстрее водит поезд, чем машинист московский... Винить надо не рабочего, а топ-менеджера, получающего бонусы, вполне сопоставимые с бонусами западных руководителей» [14].

По мнению академика Д. Львова, такой, как в России, эксплуатации труда нет ни в одной стране с нормальной рыночной экономикой. Академик пишет: «Доля заработной платы в ВВП России примерно в 2–2,5 раза ниже, чем в любой западной стране. На 1 доллар заработной платы наш... работник производит в 2,5–3 раза больше ВВП, чем, например, в тех же США» [15].

В свою очередь, заработная плата в современной России, будучи не увязанной с количеством, качеством и результатами труда, не выполняет основополагающие функции цены труда — воспроизводственную и стимулирующую — со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, которые проявляются в том числе и в сферах, напрямую не относящихся к рынку труда.

Например, И. Дементьева отмечает, что сегодня Россия занимает первое место в мире по числу детей, воспитывающихся вне родительской семьи — каждый 38-й ребенок лишен заботы родителей. С другой стороны, пребывание ребенка в родительском доме вовсе не является гарантом его благоприятного интеллектуального и физического развития. Наличие у большого числа взрослого населения России низкооплачиваемой работы определяет не только соответствующий уровень жизни значительной части российских семей, но и низкий социальный статус таких семей, формирует низкую самооценку, как у взрослых-родителей, так и у их детей. «Неуспешные» родители едва ли смогут служить примером или быть авторитетными для своих детей, их жизненный опыт не востребуется молодым поколением, а без этого и семейное воспитание, и семейная социализация успешными не будут [16].

Некоторые авторы полагают, что позитивное влияние на темпы экономического роста в России может оказать «шоковое стимулирование населения к повышению своей рыночной активности», то есть сокращение масштабов государственного перераспределения общественного продукта в пользу «лиц, не желающих в силу различных причин развивать свои профессиональные навыки для адаптации к рынку». По замыслу авторов, для «нерыночных» граждан падение их дохода (основную часть которого составляют трансфертные платежи) ниже критического уровня выживания, станет стимулом для обучения или переквалификации [17].

Станет ли? Думается, это маловероятно. Основанием для сомнений являются результаты новейших социологических исследований состояния массового сознания в российском обществе. Исследователи выявили тенденцию, которую назвали *усталостью от собственной активности* и определили как негативную адаптацию человека, смирившегося с существующим

положением и не предпринимающего каких-либо мер по его изменению. Так, за 2006–2010 гг. на 6% снизилось число россиян, готовых много работать, чтобы достаточно зарабатывать, и на 7% увеличилось число пассивных людей, не предпринимающих никаких усилий, чтобы жить лучше [7]. Эта тенденция не может не настораживать. Она означает, что при сложившейся на российском рынке труда ситуации, для многих граждан невозможность заметного улучшения своей жизни, ни за счет интенсивной, ни за счет экстенсивной стратегии, стала очевидным фактом.

В России — и в этом специфика российского рынка труда — размер заработной платы зависит не столько от уровня образования работника или его квалификации, сколько от сферы деятельности. В стране четко определились сферы деятельности, занятость в которых заметно повышает для индивида риск оказаться в числе низкооплачиваемых работников независимо от квалификации или места проживания.

Так на протяжении всех пореформенных лет самый низкий уровень оплаты труда в российской экономике сохраняется в сельском хозяйстве, сферах образования, культуры, здравоохранения, т. е. в отраслях, исключительно важных для формирования человеческого капитала страны. При этом средняя заработная плата в отраслях ТЭК более чем в 2 раза превышает среднероссийскую. В результате самый молодой и образованный сегмент — специалисты с высшим образованием до 30 лет, составляющие интеллектуальный потенциал развития страны — концентрируются в топливно-энергетической промышленности, в сферах управления и финансов [18]. Такое распределение интеллектуальных ресурсов не вяжется с решением задачи эффективных структурных изменений в экономике, созданием высокотехнологичных отраслей, повышением значимости интеллектуального труда и продукта.

Принято считать, что целью экономического роста является уменьшение абсолютной и относительной бедности в государстве. Россия — парадоксальная страна, в которой не наблюдается положительная корреляция между величиной ВВП и размерами рабочей бедности: высокие темпы роста в 2000-е гг. не сопровождались снижением бедности. Исследования показывают, что в России даже за годы экономического роста не произошло расширение среднего класса, численность которого остается на уровне 20% от общего числа домохозяйств. При этом в составе среднего класса ухудшились позиции профессионалов, но выросла доля бюрократии, которая «ни пашет, ни сеет, ни строит», но ведет учет вспаханному, посеянному и построенному. Страту же интеллектуалов, считают эксперты, скорее можно отнести к протосреднему, нежели к среднему классу [19]. Такой экономический рост исследователи называют «ростом без развития».

Объяснение этому явлению лежит в природе экономического роста в России, в его топливно-сырьевой основе. В пореформенной России сложились три основных источника индивидуального богатства — доступ к рентным доходам, монопольным доходам и административному ресурсу. В постперестроечные годы ухудшение социально-экономических результа-

тов и на микро-, и на макроуровне сопровождалось, как это не парадоксально, ростом доходов номенклатуры. В результате возник своего рода стимул-перевертыш, не адекватный нормальной рыночной экономике: чем хуже ситуация «внизу», тем выше доходы «наверху». Совершенно очевидно, что пока этот стимул-перевертыш не будет ликвидирован, о *реальном* экономическом росте в России говорить не приходится. Для примера, японская система организации и стимулирования труда предполагает, что в кризисных ситуациях в первую очередь снижаются оклады менеджеров разного уровня, поскольку именно на руководстве лежит вся ответственность за возникшие проблемы.

«Основная предпосылка для развития структурно сбалансированной экономики и создания конкурентной среды — законодательное исключение из доходов хозяйственных субъектов любых форм собственности, которые не являются результатом именно их трудовых усилий», — утверждают Н. Петраков и Ю. Овсиенко. Многие западные экономисты придерживаются схожей точки зрения. В частности, лауреат Нобелевской премии французский экономист М. Алле подчеркивает: «Отказаться от проведения различий среди источников доходов, значит выносить бесповоротный приговор экономике... Деньги должны зарабатывать трудом, а не доставаться путем получения дармовых доходов, независимо от того, проистекают ли они от сверхприбыли на земельную собственность, чистого процента на капитал, прибыли, связанной с инфляцией, или же политических махинаций и интриг» [20].

Поскольку большая часть работающего населения страны исключена из распределения монопольных и рентных доходов от добычи и использования полезных ископаемых России, то чувствует себя «чужой на празднике жизни». Отстранение основной массы населения от ресурсов объясняет пассивность, «низкую воодушевленность» в российском обществе, тот факт, что значительная часть занятых «не видит и не чувствует перспектив продвижения, улучшения материального положения, не имеет причин для энтузиазма, подвигов и упорного труда «во имя идеи» [21].

В этой связи актуальной является проблема справедливого распределения национального дохода в российском обществе. Автор одной из мотивационных теорий С. Адамс обращает внимание на важность фактора *справедливости*: люди оценивают вознаграждение, которое они получают, соотнося его с вознаграждением других работников за схожую работу. Если люди считают, что их вознаграждают относительно несправедливо, то это ведет и к психологическому напряжению, и к снижению интенсивности трудовых усилий. Снижение интенсивности труда влечет за собой не только экономические последствия для фирмы, но порождает апатию, духовно, нравственно развращает человека труда. Как говорил советский сатирик: «Вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». Но это «делание вида», «работа в порядке миража» экономически и нравственно не нейтральны. Исследования показывают, что заинтересованность человека в своей работе порождает у него благоприятные установки по отношению ко всей совокупности общественных ценностей, а отсутствие заинтересованности становится

социально-психологической основой различных форм негативного поведения [22].

Среди исследователей существует мнение, что в современном мире идея ценностей устарела, что ценности сами по себе мало на что влияют. Например, В. Иноземцев пишет: «Европейский Союз — не столько территория абстрактных ценностей или прав человека, сколько конкретных правовых норм, которые строго соблюдаются». Проблема же России в том, что российское общество не приучено соблюдать *нормы* [23].

Автор все же полагает, что там, где речь идет о понимании и толковании человека и его целей в контексте социального взаимодействия, непременно присутствует ценностное начало. Именно под влиянием господствующих в обществе ценностных представлений, в том числе представлений об общих смыслах и целях жизни, задаются ориентиры и формируются нормы ведения бизнеса, нормы трудового поведения. С другой стороны, стимулы и побуждения, влияющие на поведение человека в сфере хозяйственной деятельности, выполняют не только экономическую функцию (влияют на производительность труда, качество продукции, эффективность производства), но и этическую.

Для нашей страны проблема трудовых ценностей работников, повышения их ответственности и инициативности актуальна уже много лет. Как свидетельствуют данные регулярных социологических опросов, доминантами трудовой мотивации для большинства россиян являются их базовые, материалистические потребности. Что касается «высоких» потребностей (самореализация, личная ответственность, возможность проявлять инициативу), то пока они носят «периферийный» характер [24].

Может ли заявленный правительством курс на модернизацию российской экономики изменить положение людей, не удовлетворенных жизнью, не имеющих достаточного для жизни дохода? Эксперты считают, что если модернизация будет ориентирована лишь на развитие науки, информационных технологий и постиндустриальные отрасли, на которые сейчас делается упор, то «останется большое количество работающего населения, которое трудится в полуразрушенных индустриальных отраслях и на плохо оплачиваемых местах социальной сферы» [7].

В подобной ситуации вызывает недоумение позиция некоторых специалистов, полагающих, что «необходимо максимально упростить схемы переноса части отечественного производства в страны с более низким уровнем оплаты труда и поддерживать в этом российские компании, в том числе и на политическом уровне» [17].

Какой может быть аутсорсинг, когда Россия 20 лет не может справиться с позорной для XXI века проблемой рабочей бедности? Идея аутсорсинга это идея перерастания: когда производственный процесс в стране налажен до автоматизма, стал рутинным, тогда производство переносится в «глобальные мастерские и фабрики». Аутсорсинг не означает, что страна может обойти стадию индустриализации, так и не научившись хорошо делать автомобили, телевизоры, холодильники. «Прогресс не в том, чтобы сделать за российские

деньги мобильный аппарат на Тайване, в том, чтобы самим научиться делать мобильные трубки» [23].

Россия принадлежит к числу стран, в классовой структуре которых преобладают «синие воротнички» или рабочий класс (в 2008 г. — 52% занятого населения), что соответствует индустриальной стадии развития экономики. Фактическая же деиндустриализация российской экономики обернулась маргинализацией социального статуса рабочих. В настоящее время, в связи со снижением темпов экономического роста, под угрозой оказывается занятость значительных контингентов работающих. По оценкам экспертов, 60% представителей низшего класса, 43% — рабочего класса и 22% — среднего класса расценивают возможность остаться в ближайшие годы без работы как очень вероятную [6].

Люди боятся безработицы. Безработица отрицательно влияет на многие аспекты жизни, и люди готовы многим пожертвовать, чтобы снизить ее риск. Страх безработицы во многом определяет позицию работников в ходе торга с работодателем, обеспечивает подстройку заработной платы к изменяющимся условиям рынка труда. Чем сильнее страх безработицы, тем ниже уровень «резервируемых» требований, предъявляемых людьми к рабочему месту. Исследователи отмечают, что, искусственно форсируя страхи и играя на них, можно добиваться снижения заработной платы, косвенно сдерживая, таким образом, рост безработицы [25].

Но низкая заработная плата — главный тормоз научно-технического прогресса. НТП возможен только тогда, когда затраты на его внедрение меньше сэкономленной заработной платы. При нынешнем уровне заработной платы работодателям выгоднее использовать низкооплачиваемую рабочую силу, применять примитивный ручной труд, а не вкладывать капитал (как частный, так и общественный) в научно-технические преобразования.

Ошибочным является представление о том, что дешевая рабочая сила может составлять реальное конкурентное преимущество российской экономики. Дешевая рабочая сила — это когда люди готовы интенсивно и эффективно работать за заработную плату на уровне прожиточного минимума, как в некоторых странах Азии, и не ведут себя при этом оппортунистически. Для России верна другая логика: если вы делаете вид, что нам платите, то мы будем делать вид, что работаем. В России дешевая рабочая сила — это безответственная и инициативная рабочая сила, почти маргинальная. Низкая заработная плата в стране сопрягается с низким уровнем конкурентоспособности российской экономики.

За первую декаду нынешнего века вырос эмиграционный потенциал России. По оценкам исследователей, около половины россиян хотели бы уехать из страны с разными целями. Навсегда хотели бы уехать 13% граждан страны (в два раза больше, чем в начале века); 35% готовы уехать за границу на заработки. «Желание более трети всех работающих россиян превратиться в гастарбайтеров — яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда», дают оценку эксперты [26].

С другой стороны, сегодня в отечественной экономике существует большое количество неквалифици-

рованных рабочих мест, которые занимают в основном гастарбайтеры. Проблемы, связанные с массовым вовлечением в российское хозяйство (а значит и в жизнь российского общества) неквалифицированных, имеющих специфическую ментальность мигрантов, уже дают о себе знать. «Оправданное экономическими соображениями привлечение иммигрантов из индустриальных стран становится фактором обострения конкуренции на рынке труда, возникновения этнически солидарных криминальных групп и полужурегальных консолидированных сообществ, успешно завоевывающих заметные позиции в экономической жизни России», делают вывод участники дискуссии (май 2011, ИМЭМО РАН), посвященной вызовам и рискам стабильности в России [27].

В начале 1990-х гг. британский исследователь У. Бек ввел понятие «*бумеранга*», суть которого в том, что при отсутствии социальной поддержки людей и должного обслуживания социальной инфраструктуры, они начинают разрушаться и выделяют *энергию распада* [28]. Формы проявления этой энергии самые разные (техногенные катастрофы и аварии, обезлюдивание территорий), в том числе широкие потоки мигрантов. Со временем энергия распада, реализуемая в форме миграционных потоков, «оседает на местах», трансформируясь в этнонациональные общности (анклавы чужой культуры и образа жизни), конфликтующие с местным сообществом за ресурсы и власть.

С официальных трибун импорт рабочей силы оправдывается тем, что если бы не мигранты, то некому бы было мести улицы, убирать подъезды, строить дома, водить транспорт и выполнять другую грязную и не престижную работу в городах России. И все же необходимо минимизировать приток в страну малоквалифицированной рабочей силы. Издержки и отрицательные внешние эффекты, связанные с ее привлечением, куда весомее и шире, нежели выгоды. Да и утверждение, что мигранты занимают лишь те сегменты рынка труда, которые непривлекательны для российских работников, верны лишь отчасти. Исследователи отмечают, что эти сегменты пересекаются и приводят массу примеров, когда местных работников не берут на работу или заменяют более «дешевыми» мигрантами [29]. Согласие же трудовых мигрантов работать на условиях дискриминации, закрепляет нарушение трудовых прав наемных работников в качестве неформальной нормы во взаимоотношениях работодателей уже со всеми работниками. Приток мигрантов приводит не только к снижению цены труда, но косвенно сдерживает рост технической оснащенности производства, снижает уровень охраны труда.

Заинтересованность российских работодателей в притоке мигрантов предопределяет нехорошую перспективу для российского социума. В результате миграционных процессов качество российского народа меняется в худшую сторону, средний тип человека становится хуже. Уезжают умные, образованные, мобильные люди, а приезжают «равшаны» и «джамшуты», которые зачастую русского языка не знают. Да и высокие технологии невозможно развивать в ситуации, когда креативные мозги устремляются на Запад, а с Востока идет наплыв не очень умелых рабочих рук,

ориентированных на существование в рамках культурно-однородных, этнически гомогенных пространств.

Ученые-философы отмечают, что для благополучного состояния общества необходима оптимальная мера ментального различия и ментального сродства, входящих в него социальных групп. Нарушение этой оптимальной пропорции способно вызывать негативные последствия в обществе: стагнацию, конфронтацию, даже самоуничтожение [30].

Что можно сделать, чтобы *и волки были сыты, и овцы были целы*?

Академик В. Ивантер, рассуждая о стратегических приоритетах развития современной российской экономики, в числе первых называет труд и экономию труда [29]. Солидарен с ним и С. Губанов, отмечая, что «труд, вложенный в орудия труда, экономит труд в сфере их применения. Принимая форму постоянного капитала, средства производства функционируют в качестве способа замещения живого труда прошлым, или иначе — замещения трудоемкого капиталоемким». Более того, подчеркивает ученый, «отсутствие замещения трудоемкого капиталоемким равносильно... прекращением всякого прогресса» [32]. Очевидно, что инвестиции в механизацию и автоматизацию грязных и непрестижных рабочих мест и процессов способны дать как экономиию труда, так и поднять социальный статус рабочего места, создать новый тип работника: не просто уборщика или дворника, а оператора автоматизированной машины по уборке помещений или очистки улиц.

Одно время широко обсуждалась идея привлечения в российскую экономику прямых иностранных инвестиций (ПИИ), создания совместных предприятий с использованием рабочей силы и производственных площадей российской стороны, и опорой на западный капитал и западные новейшие технологии. Но всегда ли подобные проекты действительно эффективны?

Во всем мире ПИИ служат для целей экспансии на новые рынки. Естественно, что высокая степень монополизации отраслей и производства в нашей стране используется иностранными инвесторами для подавления потенциальных конкурентов. В лучшем случае западный инвестор заинтересован в том, чтобы использовать местную, относительно дешевую, рабочую силу в наиболее трудоемких производственных операциях. Подобные производства получили очень точное название — «отверточная сборка». Относительно высокая оплата труда на предприятиях «отверточной сборки» обусловлена не высоким уровнем квалификации работников, а повышенным уровнем интенсивности и ответственности их труда. Если западный партнер решает покинуть проект, в стране остаются «пустые» производственные фонды (своего рода, компьютеры без программного обеспечения) и безработные с невысоким уровнем квалификации, но высокими претензиями в отношении оплаты и условий труда.

Таким образом, благодаря выносу трудоемких операций за рубеж развитые страны повышают технологичность и капиталоемкость своего производства, повышают спрос на работников высокой квалификации. А развивающиеся страны, в том числе и Россия, получают такие рабочие места, которые повышают трудоемкость производства, снижают его технологич-

ность и, в конечном счете, усиливают технологическую отсталость и периферийность экономики.

Исследователи отмечают новый формат международного разделения труда, сложившийся к концу XX века: Запад, на основе технологического применения результатов фундаментальной науки, создает модель продукта; Азия обеспечивает массовое производство этого продукта; Индия осуществляет сервисные услуги для Запада (бухгалтерские операции и пр.). «В этом раскладе сил Россия могла бы занять место производителя интеллектуального продукта», считает академик В. Федотова [33].

Действительно, у нас распространено представление, будто достаточно создать «высокую технологию» и покупатель тут же найдется, и будет в России *новая экономика*. Но *стоимость* создается именно в производстве, и индустрия высоких технологий — это именно *индустрия*. Цена технологии «в чистом виде» всегда ниже, чем она продается в производимой продукции. Промышленность на Западе высокотехнологична в том смысле, что доля технологических факторов в стоимости конечных продуктов составляет 30–60%, подчеркивает В. Иноземцев [23]. Новая экономика все равно остается производящей. Интеллектуальный же потенциал, не будучи востребованным реальным сектором экономики, разрушается.

По замыслу властей, образцом решения поставленных задач научно-технической модернизации страны должно стать Сколково. Но реализация технократической модели модернизации на базе экспериментальных площадок, с приглашением зарубежных специалистов для проведения «мастер-классов», превращает модернизацию в «островную». «Островной» же характер модернизации еще больше увеличивает дистанцию «между вестернизированной технократической элитой и подсобным классом трудящихся, удел которого быть лишь «потребителем» массовой культуры, но не создателем новых культурных ценностей» [34].

Таким образом, сложившаяся в России инфраструктура сферы труда не нацелена на модернизацию. Все его ключевые институты — заработная плата, система образования, формы отношений между трудом и капиталом, мобильность труда (и территориальная, и отраслевая) — *de facto* «работают» на консервацию сложившейся экспортно-сырьевой структуры российской экономики. В свою очередь, реализация в России сырьевой модели развития отвлекает и человеческие, и финансовые ресурсы от решения задач модернизации экономики, а сверхприбыль от эксплуатации сырьевых ресурсов (рентный доход) лишает бизнес стимулов создавать инновационные производства.

Список использованных источников

1. В. Рязанов. От рентной экономики к новой индустриализации России // *Экономист*, № 8, 2011.
2. Г. Монусова. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, 2008.
3. Л. Мизес. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
4. А. Кочетов. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 5, 2011.
5. Н. Тихонова. Классы в современной России: миф или реальность? // *Россия реформирующаяся*. М.: Институт социологии РАН, 2008.

6. Н. Тихонова. Низший класс в социальной структуре российского общества // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 5, 2011.
7. Л. А. Беляева. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 10, 2011.
8. Е. Ефимова. Низкооплачиваемые работники на рынке труда субъектов Российской Федерации: о чем молчит российская статистика // *Вопросы экономики*, № 10, 2011.
9. Л. Беляева. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 12, 2011.
10. С. Климова. Региональный контекст проблемной ситуации на предприятии: опыт анализа // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 12, 2011.
11. А. Темницкий. Самостоятельность в работе как фактор формирования субъектности рабочих России // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 12, 2011.
12. А. Богутаров. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // *Политические исследования* (ПОЛИС), № 4, 2011.
13. В. Гимпельсон, А. Зудина. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // *Вопросы экономики*, № 10, 2011.
14. Н. Петраков. К вопросу о модернизации экономики // *Экономист*, № 12, 2010.
15. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Под ред. Д. С. Львова. М.: Экономика, 2005.
16. И. Ф. Деметьева. Факторы риска современного детства // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 10, 2011.
17. С. Егоров. Человеческий фактор и экономический рост в условиях постиндустриализации // *Вопросы экономики*, № 5, 2004.
18. И. Попова, А. Темницкий. Интеллектуально-профессиональный потенциал: к проблеме структурных изменений // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 1, 2011.
19. С. Б. Авдашева, Т. А. Малеева, Л. Н. Овчарова и др. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Эконом-Информ, 2008.
20. Ю. Овсиенко, Н. Петраков. Российская трансформация и ее результаты // *Вопросы экономики*, № 5, 2004.
21. Н. Розов. Эмоциональная энергия. Историко-социологический анализ // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 2, 2011.
22. Российское общество и радикальные реформы / Под общ. ред. В. Левашова. М.: Academia, 2001.
23. В. Иноземцев. Будущее России в новой индустриализации // *Экономист*, № 11, 2010.
24. В. С. Магун. Динамика трудовых ценностей российского населения (1991–2007) // *Социально-трудовые отношения: проблемы и перспективы: Материалы Первого германо-российского форума «Формирование социальной политики»*. М., 2009.
25. В. Гимпельсон, Г. Монусова. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // *Вопросы экономики*, № 2, 2010.
26. М. К. Горшков. Реформы в зеркале общественного мнения // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 10, 2011.
27. Россия: общество рисков? // *Мировая экономика и международные отношения*, № 10, 2011.
28. U. Beck. Risk Society. Toward a New Modernity. London, Sage, 1992.
29. А. Автономов, И. Гаврилова. Задачи миграционной политики в России / Под общ. ред. К. Ромодановского, М. Тюркина // *Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции*. М.: ФМС России, 2009.
30. Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов. Глобальный менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 4, 2011.
31. В. Ивантер. Трудосбережение как приоритет // *Экономист*, № 1, 2011.
32. С. Губанов. Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы // *Экономист*, № 1, 2011.
33. В. Федотова. Новые идеи в социальной теории // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 11, 2011.
34. О. Яницкий. Модернизация в России и вокруг: конспект // *Социологические исследования* (СОЦИС), № 5, 2011.

Modernization Adequacy of the Social-Labor Sphere of Russian Economy

L. N. Danilenko, Candidate of Economics Science, Associate Professor on the Chair of Economics, Pskov State University.

The paper is dedicated to state of the Social-Labor Sphere from the point of view its adequacy to declared intentions of converting the national economy onto the innovative path of development. The key point is status and conditions of a labor person. The article concludes, that the Social-Labor Sphere is inadequate to declared modernization

Keywords: modernization, labor force, job satisfaction, classes, labor poverty, values, migration.